

**КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ФРГ ПО
ОТНОШЕНИЮ К ЛЕВАЦКИМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИМ
ОРГАНИЗАЦИЯМ: СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ
МЕТОДОВ И ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ С НАЧАЛА
1970-Х ГГ. ДО НАЧАЛА ХХІ В.**

Аннотация. Автор статьи рассматривает эволюцию методов и влияние контртеррористической деятельности в ФРГ на законодательство и в целом на социально-политическую ситуацию в стране во второй половине XX – начале XXI вв. Также в статье сделана попытка прогнозирования политических последствий контртеррористической деятельности в ФРГ и предложены способы ее усовершенствования без наступления на демократические права и свободы граждан.

Ключевые слова: терроризм, ультралевые, RAF, история ФРГ.

© D. Bazarkina

**THE COUNTER-TERRORIST POLICY IN FRG: THE
COUNTERACTION TO THE LEFTIST TERRORIST
ORGANIZATIONS. THE IMPROVEMENT OF THE PRACTICAL
METHODS AND THE CHANGES IN THE LEGISLATIVE SYSTEM
FROM THE BEGINNING OF 1970TH TO THE BEGINNING OF 21ST
CENTURY**

Abstract. The author of the article has a good look at the evolution of methods of counterterrorist activities in FRG and their influence upon the legislative system and the political situation in the country as a whole in the second half of the 20th – at the beginning of 21st centuries. Efforts were made to forecast the political consequences of the counterterrorist activities in Germany and the ways of its improvement are suggested without the offensive against the democratic rights and freedoms.

Key words: terrorism, ultra-left/leftists, RAF, history of FRG.

Одним из последствий «студенческой революции» 1968 г. стало появление целого ряда левацких террористических групп, таких, как «Прямое действие» во Франции, «Красные бригады» в Италии, «Фракция Красной армии» («Rote Armee Fraktion», RAF, другое название – «Группа Баадера-Майнхоф») и «Революционные ячейки» в ФРГ. Эти группы, объясняя свои действия левой идеологией, не предложили, однако, достаточно состоятельной теории политического развития, а выступали лишь за немедленное свержение капиталистического строя, в качестве средства революции избрав акты «индивидуального террора», который подвергал критике сам вождь Великой Октябрьской революции В.И. Ленин.

На наш взгляд, судьба RAF – хрестоматийный пример деятельности левацких террористических организаций, члены которых настаивают на скорейшей насильственной смене общественно-экономических формаций без учета объективных факторов, которые должны сформироваться для такой перемены. Это ведет к многочисленным и бессмыс-

ленным жертвам как среди членов самих таких групп, так и среди тех, кого они избирают объектами своих терактов, не говоря уже о рядовых гражданах, которые в больших количествах погибают при проведении акций. По словам специалиста по истории военных режимов Е.Н. Пашенцева, «Темпы развития революции ставились леваками в зависимость не от готовности народных масс, наличия и зрелости их политического авангарда, а от субъективного желания добиться скорейшим образом «скачка в революции». «Скучный» процесс подготовки «скачка» сводился к революционной риторике». По этому пути пошла и RAF. Такие группы, многие из которых сформировались в рамках студенческого движения 1968 г. и ставили своей целью противодействие как западной модели капитализма, так и бюрократической диктатуре Восточного блока, почти всегда (в большинстве случаев против собственного желания), начинали играть на руку им обоим.

Террорист-левак поначалу стал для германских властей принципиально новым типом преступника, что видно из тактики противодействия властей ФРГ акциям RAF. С осени 1970 г. первый состав RAF совершил ряд преступлений в разных городах ФРГ. В этой ситуации 29 января 1971 г. был подписан акт ÖS 6-625 050/14 о том, что Федеральное управление уголовной полиции (Bundeskriminalamt – БКА) начинает преследование «Группы Баадера – Малера – Майнхоф». Полиция собирает все сведения о «Группе Баадера – Майнхоф», поддерживает тесный контакт с «региональными специальными комиссиями», основанными в западногерманских землях, и координирует их действия.

Сотрудничавший с БКА политолог Вилли Терстиге сообщал в своем отчете: «Большие трудности создавал новый тип преступника... Полиция привыкла бороться с «правильными» уголовниками – в большинстве случаев с соответствующим опытом, который часто начинался с магазинной кражи... Еще существовали изменники родины. Теперь, однако, приходится иметь дело с людьми, которые «вышли из 68-го года», нередко владели недюжинным умом, происходили из среды рафинированной интеллигенции, нередко были детьми университетских профессоров... К тому же ранее присутствовал мотив. Теперь полиция столкнулась с людьми, которые действовали более или менее бескорыстно. Они не хотели наживаться, как бухгалтер-мошенник. Они хотели создать новое сознание – для Вьетнама, для третьего мира... Это были в значительной степени вышедшие из-под контроля дети буржуазии».

Таким образом, с самого начала обращалось внимание на то, что члены левацких групп – часто люди образованные. Действительно, в первом составе RAF преобладали представители интеллигенции (студенты), о чем заявляет в своих исследованиях политолог И.Л. Морозов.

Убийства генерального прокурора Зигфрида Бубака и исполнительного директора концерна «Даймлер-Бенц» Ганса-Мартина Шляйера потребовали от полиции новой мобилизации. Обнаруженная в марте 1991 г. тайная система связи RAF позволила службам безопасности не только выявить растущие разногласия в среде «красноармейцев», но и доказать причастность многих людей к деятельности RAF. Кроме того, 27 марта 1991 г. были арестованы пятеро сотрудников «Штази» (Staatssicherheitsdienst, сокращенно «Stasi» – Служба государственной безопасности ГДР), которых обвинили в том, что с 1978 по 1984 г. они тренировали «красноармейцев» на базе «Штази» рядом с Франкфуртом-на-Одере, в частности обучали террористов стрелять из гранатомета RPG 7, который использовался в нападениях на генерала Ф. Кройсена и на американскую военную базу в Рамштайне в 1981 г.¹ Этот успех спецслужб стал причиной того, что к весне 1992 г. члены RAF, вероятно, осознали, что продолжение вооруженной борьбы на базе прежней идеологии и в столь сложном положении невозможно и объявили о прекращении вооруженной борьбы.

¹ Спорность этих обвинений обсуждается исследователями до настоящего времени.

Рассмотрим вкратце основные последствия деятельности RAF. «Немецкая осень» 1977 г., время самых жестоких терактов RAF, стало временем чрезвычайных законов при необъявленном чрезвычайном положении. До настоящего времени изоляция, в которой находились арестованные члены RAF, считается причиной того, что так мало процессов по их делам удалось выиграть их адвокатам.

1 октября 1977 г. в набор поступил Федеральный закон 66/1977 – «Закон об изменении введения к закону о судопроизводстве». Были опубликованы семь параграфов, в которых говорилось об изоляции преступника, история возникновения которой является для парламентаризма в ФРГ беспрецедентной. Ни один закон не принимался в ФРГ так поспешно. Он был разработан тогдашним федеральным министром юстиции Гансом-Йохеном Фогелем (СДПГ) и явился первым в ряду антитеррористических законов в ФРГ, принятых после терактов 1970-х гг.

На год позже, в следующем антитеррористическом законе, разделительные стекла вводились при беседе между защитником и обвиняемым, расширялся список причин отзыва адвоката, облегчался порядок обыска квартир, вводились контрольные пункты для проверки личностей. В дальнейшем это значительно упростило представление доказательств в уголовных процессах.

Уголовная полиция и федеральная прокуратура были убеждены в том, что полная изоляция арестантов из террористических групп могла бы облегчить уголовное преследование и предотвратить новые преступления. Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Закон об изоляции применялся не только против террористов RAF. Стремление изолировать террористов исключало все попытки включения их в общество. Эта реакция властей породила в среде сторонников RAF повышенное внимание к теме изоляции, что придавало уверенности арестованным террористам в том, что соратники на воле борются за них. «Пытки изоляцией» породили сочувствие к заключенным, которое мы встречаем в публикациях до настоящего времени. Так, Г. Прантль говорит о «ресоциализации» системы уголовных наказаний, проблему которой было вынуждено решать государство после RAF.

Также отклонения от моральных норм видят в использовании «главных свидетелей», которые оставались безнаказанными, выдавая правосудию своих бывших соратников. Три раза – в 1975, 1977 и 1986 гг. – «главный свидетель» подвергся единогласной критике общественности как воплощение несправедливости. Под одним из протестов подписались 90 профессоров уголовного права. В 1989 г. консервативное законодательство восстановило положение о «главном свидетеле». Это удалось благодаря тому, что одновременно был введен жесткий, грозивший штрафом запрет на ношение скрывающей лицо одежды, направленный против демонстрантов. На этом запрете сконцентрировалась общественная критика, не обратив внимания на положение «главных свидетелей». Также это удалось уже в 1981 г. в новом законе о наркотических веществах. Таким образом, положение «главных свидетелей» было прописано в §31 Уголовного кодекса ФРГ до 1994 г.

Это ужесточение преследования потенциальных террористов привело к новой волне радикализации молодежи в объединенной Германии. Веским доказательством того, что левый экстремизм (в данной статье мы используем этот термин как синоним левачества, следуя за многими немецкими авторами – Д. Б.) до сих пор расценивается как среда, из которой исходит реальная угроза новых терактов, являются официальные заявления Ведомства по охране конституции ФРГ, опубликованные на Интернет-сайте учреждения по адресу: www.verfassungsschutz.de. Если политическим интересом начала 1990-х гг. было показать связь RAF со «Штази», то сейчас идет активное переосмысление роли левоэкстремистского движения, как самими его представителями, так и властями. Однако официальная версия событий мало изменилась и в настоящее время. С точки зрения специалистов Ведомства по охране конституции, 1990-е гг. стали временем затишья в

левоэкстремистской среде в связи с распадом Советского Союза и с «крушением коммунизма». Это подтверждают и сами бывшие члены RAF.

С 1990-х гг. все более размытыми становятся границы между автономными группами левых экстремистов и террористическими организациями. Таким образом, берлинская организация «Класс против класса» совершила более пятидесяти поджогов и шесть взрывов. Группа «К.О.М.И.Т.Е.Е.» в 1994 г. подожгла районную контрактную воинскую часть в Бад Фрейенвальде. Склонность к террористической активности продемонстрировала наиболее непримиримая часть автономий в ответ на письмо, в котором было объявлено об окончательном самороспуске RAF в 1998 г. Автономии настаивали в Геттингенской прокламации «EinSatz» на продолжении борьбы против «капиталистического варварства».

В последние годы отмечается рост числа приверженцев левого радикализма: по сведениям из того же источника, группы существуют в почти всех больших городах, в частности, в густонаселенных центрах Берлина, Гамбурга, области Майна Рейнской области, районе Дрездена / Лейпцига, а также в более мелких университетских городах, таких, как Геттинген и Фрайбург. Численность состоящих в них людей – примерно 6000 человек (в 2005 г. примерно 5500 человек). Публикаций движения насчитывается более пятидесяти; изданиями федерального значения являются, прежде всего, издающееся в Берлине «Временное Соглашение», а также подпольный листок «Радикал». Эти леворадикальные организации и расцениваются Ведомством по охране конституции как потенциальный источник экстремизма. Нельзя не обратить внимания на то, что сторонники западной либеральной модели часто отождествляют левых радикалов с террористами-леваками, возможно, чтобы снять угрозу, которую леворадикальные движения могут представлять для официальных властей в будущем.

В сплочении существующих сегодня автономий их представители видят следующие возможности:

- сделать видимой для общества «незаконность и бессмысленность» встреч лидеров Большой Восьмерки;
- обеспечить критическую для сторонников глобализации массовую мобилизацию;
- осуществлять акции протеста;
- перейти в критике процессов глобализации полностью на левые позиции¹¹.

Последнее заявление настораживает тем, что в нем можно увидеть опасность перехода леворадикальных молодежных групп к догматизму (вернее было бы, на наш взгляд, заявить о необходимости совершенствования теоретической базы левого движения в соответствии с требованиями времени). В этих заявлениях мы также видим потенциальную опасность отождествления левого движения в целом с теми левоэкстремистскими элементами, которые могут выйти из антиглобализационного движения и выступить за насильственные меры, не обоснованные достаточно состоятельной политической теорией.

Эти заявления встречают критику скептиков, которые видят во всем этом «левую спекуляцию», применяемую лишь для того, чтобы «приукрасить» реальное положение вещей. По их мнению, левое движение, несмотря на все успехи, занимает в настоящее время оборонительную позицию. Сомнительно, что демонстранты, пытавшиеся сорвать встречи лидеров государств Большой Восьмерки, высказывали общие цели. Таким образом, леворадикальное движение Германии сейчас более, нежели в активной практике, нуждается в разработке теории общественного развития, отвечающей современным требованиям.

Что касается современных методов, которые используют власти в борьбе с терроризмом, отношение к ним остается двойственным. С одной стороны, безопасность граждан государства требует привлечения новых тактик и методов. С другой стороны, эти методы часто встречают осуждение и сопротивление в обществе.

Один из последних скандалов вокруг антитеррористической политики в Германии связан с высказываниями министра внутренних дел Германии Вольфганга Шойбле, который заявил в интервью еженедельнику «Stern», что «в вопросах борьбы с терроризмом нужно действовать без оглядки на конституцию». По мнению министра, в первую очередь необходимо отказаться от презумпции невиновности. «Что более правильно: позволить случиться десяти терактам или не дать это сделать тому, кто и так не собирался осуществлять теракт? По-моему, перестраховка никому не мешала», — развил он свою мысль. Поддержала планы Шойбле и министр юстиции, член Социал-демократической партии Германии Бригитта Цюприс: «Презумпция невиновности не может работать в вопросах борьбы с террористическими угрозами».

Следуя этой логике, считают в редакции журнала «Эксперт», «презумпция невиновности будет распространяться лишь на вынесение приговора судом, в то время как все следственные действия, направленные на борьбу с терроризмом, начнут исходить из того, что каждый проживающий в стране человек замышляет теракт».

Ранее в Германии был принят закон о создании единой информационной системы в борьбе с терроризмом. Это означает беспрепятственный обмен данными между 38 различными службами, сообщает радио «Свобода»: «Бундестаг одобрил документ, согласно которому к базе данных получают доступ 38 организаций и служб. Работники полиции и разведки смогут получить общие сведения об интересующих их лицах, проживающих в Германии, а также найти их фотографии. По особым запросам следователям будет предоставляться дополнительная информация, например, сведения о телефонных номерах и переговорах, о пользовании Интернетом и т. п.»

На фоне этих событий все чаще антитеррористическая политика в ФРГ становится предметом критики. Что касается конкретных предложений по противодействию терроризму, как считает исследователь психологии терроризма И.Е. Иванов, прежде всего, необходимо выработать правовые и организационные гарантии защиты прав граждан от злоупотребления возможностями борьбы с терроризмом, от выхода должностных лиц за пределы Конституции, чем бы они ни пытались оправдаться. Одной из таких гарантий является жесткая индивидуальная ответственность за принимаемые решения и осуществляемые действия.

Тот же исследователь предлагает «пересмотреть широко распространенное мнение, в соответствии с которым приоритет в организации борьбы с терроризмом должен принадлежать спецслужбам и правоохранительным органам. Если мы обратимся к упоминавшемуся опросу руководителей контртеррористических подразделений, то увидим, что в качестве факторов, порождающих сегодня терроризм, выступают социальные, экономические и политические причины, рычаги прямого воздействия на которые находятся вне компетенции органов безопасности и правоохраны». Главными субъектами борьбы с терроризмом должны быть само государство, законодательная и исполнительная ветви власти, считают исследователи психологии терроризма.

Только на длительном пути к гражданскому обществу, справившись с факторами появления терроризма, возможно победить эту проблему и достичь мира и взаимопонимания в любом государстве. Для этого сегодня как никогда необходимо налаживание диалога различных политических сил, что относится не только к положению в Германии, но и к ситуации во всех остальных странах, где активно идет обсуждение проблемы международного терроризма. В данном случае неважно, идет речь о левацком или об этнорелигиозном терроризме, особенно сейчас, когда в ряде случаев исламские лозунги используются представителями стоящих на распутье групп левацкого толка. Важно понять, что толкает людей на путь террора, и бороться не с симптомами болезни, а с ее причиной.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вэйг Т. Телемечтатели: Фракция Красной Армии: 1963 – 1993. Гродно, 2004.
2. Германия: создана единая база данных для борьбы с терроризмом // Полит.Ру // www.polit.ru/news/2006/12/02/_terror_germ.html
3. Долой бундесконституцию! // «Эксперт Украина» №16 (114).23.04.2007 // www.expert.ru/printissues/ukraine/2007/16/news_borba_s_terrorizmom/
4. Иванов И.Е. Психология терроризма. Предупреждение и пресечение террористических актов. СПб. 2005. С 61-63.
5. Ленин В.И. С чего начать? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 5. С. 7-8.
6. Ленин В.И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 380-387.
7. Ленин В.И. Революционный авантюризм // Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1972. Т. 6. С. 375-376.
8. Морозов И.Л. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волгоград, 2002. С. 46-47.
9. Пашенцев Е.Н. Военные режимы: история и современность. М., 1997. С. 35.
10. Analyse & Kritik. Zeitschrift für Sozialtheorie // www.analyse-und-kritik.net.
11. Der Verfassungsschutzbericht 2006. Bundesministerium des Innern. Berlin, 2006. S. 151.
12. Der G8Prozess als erfolgreiche politische Imagination // Gipfelsoli Infogruppe: Meldungen über globalisierte Solidarität und die Proteste gegen unsolidarische Globalisierung // gipfelsoli.org.
13. Extremistische Globalisierungskritik nach Heiligendamm. Köln, 2008.
14. Kailitz S. Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Eine Einführung. Wiesbaden, 2004. S. 126.
15. Linksextremismus in der Bundesrepublik Deutschland. Allgemeine Entwicklung. Landesamt für Verfassungsschutz Baden-Württemberg, 2003.
16. Peters B. RAF: Terrorismus in Deutschland. Stuttgart, 1991. S. 105.
17. Prantl H. Verdächtig. Der starke Staat und die Politik der inneren Unsicherheit. Hamburg – Wien, 2002. S. 30 – 33.
18. Rau M. Country Report Germany // TrackingTheThreat.com – a database of open source information about the Al Qaeda terrorist network // www.trackingthethreat.com/genBinaries/1055_entity.pdf;
19. Zöllner V. Liberty Dies by Inches: German Counter-Terrorism Measures and Human Rights // German Law Journal No. 5 (1 May 2004) – Special Edition.